

СЗД

За спиной дирижера

Культура. — 1993. — 2 Черном. — С. 9.

О больших, выдающихся дирижерах написано много. Собственно, и принято рассказывать о тех, кто достиг вершин мастерства, кто может (и даже должен!) поделиться опытом.

Ну а если дирижер потрясюще молод и только начал свою деятельность? Что о нем можно поведать? Покопаться в биографии, добрым словом вспомнить учителей и, потормошив прошлое, перекинуть мостик в будущее...

Я беру за точку отсчета весну 1993 года, когда впервые попала на репетицию Славянского симфонического оркестра. Дирижер — югослав Душан Михайлович. При знакомстве я несколько секунд оторопело смотрела ему в глаза (господи, откуда взялся этот мальчик?!). Из его «дооркестровой» жизни знаю только, что поначалу учился он у себя на родине, а затем в «Гнесинке», в Москве. Дирижерскую карьеру начал с осколков струнного оркестра «Ренессанс», который базировался в ДК «Медик» и остался без руководителя. Девять женщин «бальзаковского возраста» ждали своей участи. И вот пришел Душан. Они не верили, что из дирижерских изысканий Душана что-то получится, однако начали репетировать. Сначала камерный ансамбль, потом камерный оркестр. Потом — симфонический...

Сначала — девять музыкантов, потом — около ста. Успешно прошли гастроли оркестра в Югославию, записали диск.

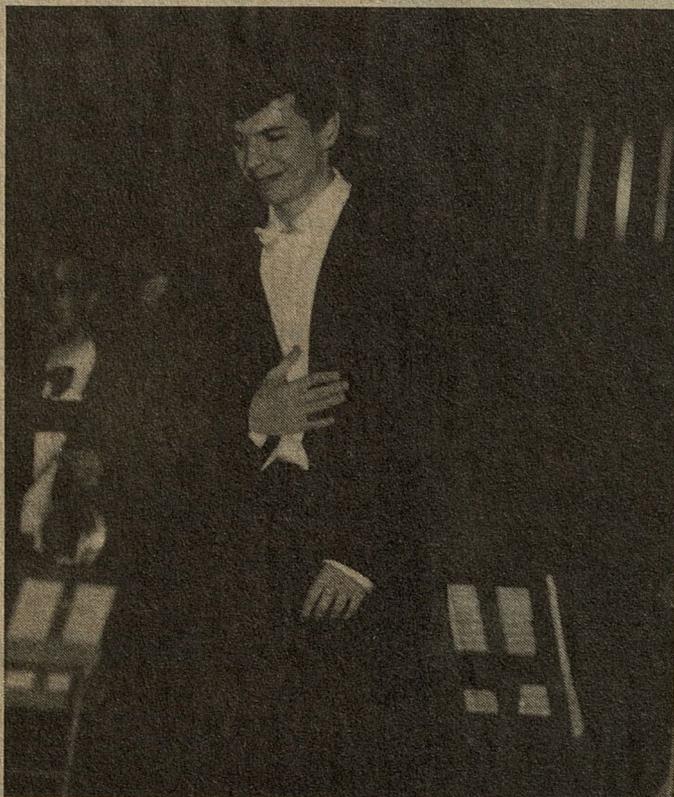
Но не гастроли, не записи, даже не концерты определяют сущность дирижерской работы. Это вершина пирамиды, до которой надо еще добратся, доползти, которую надо выстрадать. Сущность — в ежедневной кропотливой работе с музыкантами. Да и музыканты оценивают дирижера по репетициям.

«Почему так коротко? Мажете смычками по струнам — и все!

Тихо! Неужели вы не слышите, что у вас соло гобоя, а остальные ему подыгрывают, вот что у вас получается.

Почему так вяло? Форте, форте! Немножечко шире надо играть. До конца раздуть нуту...» (На репетиции оркестра).

«Скрипичный строй в смятении и слезах», — проронил Осип Мандельштам. И у них все было и есть: слезы, многочасовые репетиции, текучка. Новый коллектив. Кто туда



Душан МИХАЙЛОВИЧ

приходил? Кто в силу тех или иных причин остался без работы, поссорился с прежним дирижером, студенты. И все разные. Кто с открытой душой, не ища выгоды, а кто только и думал: поедет оркестр за рубеж или нет. Сейчас это очень важный критерий — выездной оркестр или «не очень». Если выездной, то его акции очень высоки.

И вот дирижеру нужно всех музыкантов, с амбициями и без, с разным уровнем профессионализма, собрать воедино, подчинить своим замыслам, и не просто подчинить, а подчинять каждый день, каждую минуту репетиции. И не только подчинять, а сделать так, чтобы подчинялись с радостью, самозабвенно, с полной отдачей. Конечно, грамотный музыкант оркестра все сыграет и без дирижера. Вопрос — как? Механически — одно, а проникнувшись замыслом композитора и дирижера — другое. Но чтоб проникнуться, время, время надо. Вот его-то и не хватает. Не физически не хватает. Не хватает самоотдачи на долгие часы ре-

петиций. Некоторым репетиционные часы кажутся бессмысленными. И даже в какой-то степени потерянными. Душан говорил мне об этом с болью, одновременно мечтая о том времени, когда все будет понимать его, все будет выкладываться на репетиции, как выкладывается он сам, когда в его оркестр тоже будет конкурс. О-го-го!

А пока все пять часов репетиции Душан не позволяет себе присесть перед оркестром. Все пять часов он стоит.

«Играем вторую вольту. Это не то. Так закончен. Надо с форте вернуться на пиано, сделать круг.

Ярче, ярче! Где фа диез? Куда вы их деваете?» (На репетиции оркестра).

...Начало мая. Большой зал консерватории. Перед очередным концертом последняя репетиция под названием «перед смертью не надышишься». Разрозненные звуки флейт, альтов, кларнета, трубы за сценой; в ожидании выхода — всегда спокойная и не стареющая Анна Чехова. А потом зал постепенно наполняется. Много молодежи. Много студентов

консерватории, друзья которых играют в оркестре у Душана.

У музыкантов начинается рабочий день. Простите, вечер. Дирижер уже не остановит движение музыки, и все, сыгранное в дневные часы репетиций, сейчас выплеснется наружу.

Первое отделение. Россини. Увертюра к опере «Севильский цирюльник». Бетховен. Симфония № 4. Во втором — 9-я Симфония Дворжака. Музыковеды, думаю, найдут в исполнении коллектива огрехи — то их «хлеб». Мне показалось, что «пластики», выразительности оркестру еще не хватает. Но у меня другая, в общем-то, задача. Я ведь слушала «непристрастно» и наблюдала больше за дирижером и реакцией зала. Публика была благодарной.

«И мнится мне: весь в музыке и пене железный мир так нищенски дрожит» — это снова Мандельштам. «Железный мир» — он там, за порогом консерватории, а мы здесь, в соединении эпох: Бетховен и XX век, блистательный Россини и чавканье машин за окном. А мы, счастливицы, здесь, за спиной дирижера, как за самим Господом Богом, оторванные от суеты сует, очарованные звуками, несущими добро и солнечные, яркие краски земли.

Оркестров сейчас создается немало. Но все ли они равнозначны, все ли выживут? Все ли возьмутся содержать богатые спонсоры? Думаю, ранняя «пена» рано или поздно схлынет. Останутся истинные профессионалы, умеющие работать грамотно, с душой. А вокруг истинных профессионалов непременно соберется «своя» публика.

Что можно пожелать Душану Михайловичу, помимо пресловутых творческих удач? Наверное, терпения. И терпения бесконечного. Он любит, чтобы его называли Маэстро. И я желаю, вам, маэстро, авторства, о котором так блестяще написал Борис Пастернак:

Окно, люпитр, и, как
овраги эхом,
Полины ковры все играным.
В них есть
Невысказанность. Здесь
могло с успехом
Сквозь исполнение авторство
процвезть...

Галина МУМРИКОВА.